

Д. В. АЙНАЛОВ

Замечания к тексту Слова о полку Игореве

1. Птиць подобию

«Следование русского войска в половецкие степи сопровождается у автора Слова грозными предзнаменованиями и предчувствиями: «Игорь к Дону вои ведет. Оуже бо бѣды его пасеть птиць подобию, вльци грозу въсрожать по яругамъ, орли клетком на кости звѣри зовут, лисици брешуть на чръленыя щиты. О руская земле, оуже за шеломянем еси». Вслед за этим местом описывается первая битва с половцами.

Фраза: «оуже бо бѣды его пасеть птиць подобию», несомненно испорченная, вызвала различные поправки, перечисленные В. Н. Перетцем. Наиболее вероятной поправкой считается та, которая слова «птиць подобию» заменяет словами «птиць по дубию». Едва ли, однако, эта поправка верна, так как есть данные не принимать ее. Прежде всего слова «по дубию» предполагают существование леса, между тем как дело происходит среди обширных половецких степей. «Мъгла поля покрыла... русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша». Эти слова читаются непосредственно за поправкой, изменяющей «птиць подобию» в «птиць по дубию». Половецкие степи говорят о просторе и безлесьи, а птицы на дубах, или вообще на деревьях, нарушают этот пейзаж. Во-вторых, если даже и допустить такую поправку, то все же остаются еще другие неправильности в построении фразы: «Оуже бо бѣды его пасеть птиць по дубию». Слово «бѣды» не согласуется со словом «пасеть» и вся фраза не имеет надлежащего смысла и не может быть легко понята. Вся соблазнительность поправки состоит в том, что она, не нарушая существенно данных текста, изменяет только одну букву и из «подобию» делает «по дубию». Между тем уже Тихонравов и Владимиров сближали это место с соответствующим местом из Сказания о Дмитрие Ивановиче Донском, которое читается так: «А оуже бо бѣды ихъ (т. е. татар) пасоша птици крылаты подь облакъ летятъ». Владимиров восстановил текст так: «оуже бо бѣды его пасуть птиць под

облакь».¹ Мне кажется, что это наиболее верная поправка, но она требует уточнения и более ясного доказательства. Дело в том, что эта фраза в Сказании о Дмитрии Ивановиче является более ясной, понятной и правильной грамматически, чем та же фраза в Слове о п. И., так что могла быть заимствована из более правильного и менее испорченного текста Слова о п. И. Прежде всего обращает на себя внимание выражение: «птицы крылаты подъ облак», в Сказании о Д. И., которым отвечают только «птиць подобю» в Слове о п. И. Порча этих слов ясно выступает из того, что текст Сказания о Д. И. хорошо отвечает изречению Соломона в Пчеле Синодальной библиотеки № 579: «иже ся утверждает лжею, тотъ пасеть вѣтры и птицѣ крылатая».² Слова этого изречения: «пасет птицѣ крылатая» буквально повторяются в Сказании о Д. И., где приведенная фраза читается так (по рукоп. Ундольского XVII в.): «А оуже бѣды их пасоша птицѣ крылатыя под облак летят».³ С другой стороны, слова: «птиць подобю» так близко отвечают словам Сказания «птиць... под облак», что порча в слове «подобю» вместо «под облак» выступает сама собой. Что автор Сказания о Д. И. пользовался каким-то более исправным текстом Слова о п. И., а не Пчелой или Библией доказывается тем, что нигде более не встречается слов «подъ облак», ни в Пчеле, ни в Библии. Как сообщил мне М. Н. Сперанский, которому приношу искреннюю благодарность, изречение Пчелы читается в Библии, в Притчах Соломона IX, стих 12 так: «Иже оутверждается на лжах, сей пасеть вѣтры, той же поженетъ птицы крылатыя»: «Ὁς ἐρείδεται ἐπὶ ψεύδειν οὗτος πομαίνει ἀνέμους, ὁ δ' αὐτὸς διώξεται ὄρνεα πτερωτά».

В древне-русской Пчеле по пергаменному списку⁴ это место выражено также без слова «облакь» или «облакь»: «Иже ся утверждает лжею, тотъ пасеть вѣтры и птицѣ крылатыя». Слова «подъ облакь», или «облакь» не только не нарушают степного пейзажа в Слове о п. И., но, наоборот, поясняют его, так как птицы являются под облаками, в небе, а не на деревьях. Что слова «под облакь», или «облакь» восходят к Слову о п. И., а не к Пчеле или Библии, доказывает присутствие их в древнейшем списке Кирилло-Белозерского монастыря XV в. (1479) Задонщины, текст которого сравнительно менее исправен, чем список по рукописи Ундольского. Здесь читается: «пгицы небесныя пасущесе то' под синие оболока». Первый изда-

¹ Так восстановил и Шамбинаго. Мамаево побоище, стр. 123.

² Буслаев. Христоматия, 550.

³ Буслаев. Христоматия, 315.

⁴ В. Семенов. Древне-русская Пчела по пергаменному списку, Сб. ОРЯС, СПб. 1913, стр. 281.

тель текста, арх. Варлаам, слово «то» читал как «тогда», что мне кажется очень вероятным. Несомненно, что эта фраза есть переделка приведенной фразы Слова о п. И.,¹ так как слова «под синие оболока» ясно указывают на изменение оригинала, повидимому, под влиянием поэзии Слова о п. И., в котором встречается выражение «синии молнии». Возможно, конечно, что у автора XV в. текст Слова о п. И. был испорчен, но возможно, что мы имеем дело с переделкой текста Слова.² Повторение слов «под... оболока» во всяком случае служит доказательством того, что в тексте Слова о п. И. эти слова были и превратились под пером переписчиков Мусина-Пушкина в слово «подобию», переделанное комментаторами в слова «по дубию». Автор Сказания о Д. И., Софония не только свободно пользовался данными Слова о п. И., но часто почти дословно брал текст Слова и приспособлял его для целей прославления Куликовской битвы. Буслаев даже находил, что Задонщина рабски подражает Слову о п. И. В данном случае построение фразы в Сказании о Д. И. ясно показывает, что автор списал текст Слова правильно, но не совсем ясно понял его, так как считал, что в Слове о п. И. говорится о двух вещах: по его понятию, «бѣды насли татар», вследствие чего «птицы крылатые летят под облака», чтобы питаться трунами убитых, вследствие чего настоящий смысл фразы раздвоился. Что могло заставить автора Задонщины Софонию так близко удержать текст Слова о п. И? Мне кажется, что фраза: «птицы крылаты под облак летят» у Софонии соединяет в себе обычное понимание полета птиц над войсками с понятием о «бѣдѣ», которая собирается над головой неприятеля: «Мертвоядци птицѣ... естество бо их на зловонная и на тлѣнная влечется... аще же узрят напасть прелетаютъ на нь и наклоннымъ носомъ клюють, вывлечуще тайны его».³ Так же точно полет птиц под облаками является обычным представлением, удержанным в данном случае.

Таким образом, можно думать, что испорченное место Слова о п. И., дошедшего до нас в редакции Мусин-Пушкинской рукописи, восходит к изречению Соломона. Это место по хорошей рукописи было верно списано Софонией, автором Задонщины, но изменено прибавкой слова «летят». В виду присутствия в тексте Задонщины определения птиц «крылатая», которого нет в тексте Слова, можно с уверенностью думать, что это определение в тексте Слова о полку Игоре́ве было употреблено, но исчезло в экзем-

¹ П. Симои. Памятники старинного русского языка и словесности, вып. III, Задонщины по спискам XV—XVIII столетий, стр. 27.

² В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревѣ, стр. 38.

³ Буслаев. Хрестоматия, 553, из Пчелы XIV в.

пляре Мусина-Пушкина или пропущено переписчиками. Автор Слова, несомненно, знал изречение Соломона и использовал его скорее всего по Пчеле, а не по Библии или Паремейнику, так как в обоих этих памятниках птицы имеют эпитет «парящая», в то время, как в Сказании о Д. И. птицы являются «крылатыми», как в Пчеле.¹ В Залоничине 1479 года птицы имеют эпитет «небесныя», что указывает на значительное отступление от оригинала Слова о п. И. Сказание о Д. И. по списку Ундольского является решающим памятником для указанного места:

Слово о п. И.

1) Оуже бо бѣды его пасеть птицъ подобю.

Сказание о Д. И.

2) Оуже бо бѣды их пасоша птицы (крылаты) под облак.

Зависимость текста Сказания о Д. И. от исправного текста Слова о полку Игореве при таком сопоставлении очевидна.

2. Стружие

Фраза автора Слова, употребленная им для описания того, как Все-слав Полоцкий завладел киевским столом, заслуживает особого внимания. Она читается так: «Тъй (т. е. Всеслав) клюками подпръся о кони и скочи къ граду Къеву и дотчеся стружиемъ злата стола Кіевскаго». Выражение: «дотчеся стружием злата стола» обыкновенно понимается в смысле завладения киевским столом посредством копья, так как «стружие» принимается за копье, наподобие того, как встречается в Библии: «тъя же градъ Іисусъ Навгинъ добы копіемъ».² Можно было бы, пожалуй, найти аналогию такому пониманию в более близком памятнике. В Новгородской 4-й летописи под 1175 годом описан обычный в феодальную эпоху способ овладения княжеским столом: «Но всемилостивый бог и пречистая его мати не забы Михайла и Всеволода, доидоста стола дѣдня и отня креста господня заступлениемъ, родителей своих молитвами, своим золотым копьем и острымъ

¹ По сообщению М. Н. Сперанского, в юго-славянском Паремейнике (перевод весьма древний) читается: «Иже оутверждается на лжах съ оупасеть вѣтры, ть же исть поженет птица парящая». Так же и в русско-слав. Библии. В пергаменной Пчеле: «Иже ся оутверждаетъ лжею, тот пасеть вѣтры и птицѣ крылатыя». В. Семенов. Древне-русская Пчела по пергаменному списку. СПб., 1893., Сб. ОРЯС, стр. 181. В Кирилло-Белозерском списке 1479 года читается: «птици небесныя пасушеса то' под синие оболока». П. Симони, о. с., стр. 27. Дальнейший текст также переделан, хотя выражения «водци грозно воють, лисици часто брешють» указывают на близкую зависимость от Слова о п. И.

² В. Н. Перетц. Слово о п. И., стр. 292.

мечем. И сѣде Михалко на столѣ въ Володимери» и проч. (под 6683 г.). Однако такое понимание приведенных слов о стружии неприемлемо, так как Всеслав Полоцкий не завоевывал Киева и не овладевал им. В летописи рассказывается, как Всеслав взял Новгород, а Ярославичи Изяслав, Святослав и Всеволод пошли на него войной; как Всеслав выступил против них на реке Немиге, был разбит в жестокой битве и бежал. Ярославичи стали звать его к себе, целовали крест, обещая ему безопасность, но когда Всеслав поверил и прибыл к Изяславу, то был приведен в Киев и посажен в поруб с двумя своими сыновьями. Затем после нашествия половцев, когда Изяслав был разбит и возвратился в Киев, киевляне собрали вече, обратились к Изяславу с резким требованием дать оружие, коней и людей, чтобы еще раз сразиться с половцами, Изяслав отказал, произошел бунт, Всеслава высадили из поруба, а Изяслав убежал в ляхи. Летописные версии, рассказывающие об этом освобождении Всеслава из поруба, различаются друг от друга только одним, но очень показательным выражением. В Лаврентьевской и Радзивилловской летописях сказано: «высѣкоша Всеслава изъ поруба в 15 день Семтября и прославиша и средѣ двора княжа и дворѣ княжѣ разграбиша». В Ипатьевском и Хлебниковском списках вместо слова «прославиша» сказано «поставиша». Акад. А. А. Шахматов в своей реконструкции Повести временных лет удержал выражение «прославиша».¹ Оба выражения, однако, заслуживают полного внимания, так как в Слове о п. И. об этом эпизоде не упоминается. Таким образом, Всеслав Полоцкий не брал города Киева копьем, а посажен был в поруб пленником и очутился на киевском столе благодаря бунту киевлян, освободивших его из поруба и на вече избравших его князем. Он занимал киевский стол всего 7 месяцев: «Всеславъ сѣде въ Киевѣ мѣсяць 7». Он был изгнан из Киева Изяславом с поляками, пришедшими с Болеславом польским. Всеслав не мог стать против них и бежал из Бѣлгорода в Полоцк. Так как Киевский стол достался Всеславу ни посредством войны, ни копьем, то выражение «дотчеся стружием злата стола» — означает что-то другое. Очевидно, если у автора Слова не было другого основания, кроме исторического, например, какой-нибудь легенды или песни, в которой Всеслав добывал Киевский стол посредством войны и взял город копьем, то выражению «дотчеся злата стола стружием» нельзя придавать военное значение. Обычно объясняют слово «дотчеся», как дотронулся, коснулся, достиг. Тихонравов производил его от «дотокнятися», и это наиболее верное словопроизводство еще не дает основания считать слова «дотчеся стружием злата стола» военными терми-

¹ А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Петроград, 1916, стр. 217.

нами: они не имеют в себе смысла завоевания киевского стола копьем, а лишь представляют собою своего рода фигуральное выражение, тропу, или образное выражение, для обозначения того, что Всеслав стал киевским князем. В летописи ясно указывается, что он был поставлен или прославлен среди великокняжеского двора. Оба эти выражения не могут иметь другого смысла, кроме поставления на великокняжеский стол или прославления Всеслава великим киевским князем. И сами по себе они очень поучительны, так как нам совершенно неизвестен обряд поставления на княжеский стол. По летописным версиям Всеслава «поставиша» или «прославиша среди двора великого князя», из чего следует, что избрание его вечем совершилось внутри княжеского двора, так как слова княжий двор надо понимать в смысле княжеского терема, служб, его окружающих, и места, на котором сооружены эти здания. Выражение летописи — «и двор княж разграбиша, беницльное множество злата и сребра и кунами и скорою» — показывает, что под словом двор в данном случае подразумевается весь комплекс зданий и всего места, так как на этом пространстве происходило вече. Тогда, что собственно означает «дотчеса стружием злата стола» в Слове о п. И? Если принять в соображение, что злат стол мог находиться только внутри великокняжеского терема, то буквальное понимание этого выражения приводит нас внутрь терема, где Всеслав и мог коснуться его стружием. Несмотря на загадочность этого выражения «дотчеса стружием», оно все же казалось мне простым и понятным, если принять в соображение данные археологического порядка. На русских великокняжеских золотых и серебряных монетах Владимира, Ярослава с надписью: «Владимир (или Ярослав или Свягополк) на столѣ, а се его злато» (или серебро) изображается сам великий киевский князь, сидящий на троне, т. е. на кресле с подушкой, который в надписи и называется столом. Но ни в надписях, ни в других письменных источниках нет точного обозначения того длинного жезла с крестом поверх него, который держит великий князь у правого плеча опущенным к подножию трона своим нижним концом. Несмотря на то, что первые русские монеты чеканились по образцу византийских, едва ли допустимо, чтобы эта регалия, даваемая в руку киевского князя, была простым подражанием, зависящим только от монетного образца, и не имела значения в русском быту. Предмет с крестом, который князь держит, то опирая его о правое плечо, то держа его рядом с собою и упирая концом в подножие трона, или в одном случае на подставку со ступеньками, И. И. Толстой называет крестом, но по существу это есть длинный жезл с небольшим крестом на верхнем конце, вроде так называемого византийского процессиального креста,

или вроде посоха Иоанна Крестителя с крестом сверху и т. п. Изображение этого предмета на монетах дает основание думать, что он служил княжеской, или, быть может, великокняжеской регалией, так как в некоторых случаях этот предмет в литературных наших источниках называется скипетром. Прямой намек на него, как на скипетр, находится в службах Борису и Глебу, сыновьям великого князя Владимира. Как мученики, они изображаются в красных одеждах с небольшими мученическими крестами, которые они держат у правого плеча. В службах Борису и Глебу эти кресты упоминаются в следующих выражениях: в службе Иоанна XI—XII в.: «Кръвь свою акы прапруду носяща истъканоу и крестъ славно въ скипетра мѣсто приста въ десную руку носяща съ Христомъ царствовати сподобистася Борисе и Глѣбе, война Христова непобѣдимая»,¹ или: «Кровью своею прапруду носяща, преславная, и крест в скипетра мѣсто в десную руку ныня имуща, с Христом содарствовати сподобишася», или еще: «Кровь свою акы прапруду исткану носяща преславная и крестъ в скипетра мѣсто приста, въ десную руку нынѣ имуща»² и т. п. Смысл всех этих текстов состоит в том, что Борис и Глеб, как сыновья великого князя, при жизни могли претендовать на княжеский скипетр, взамен которого теперь держат кресты у правого плеча, знак мученической смерти. Так как Владимир, Ярослав и другие великие князья держат древко с крестом на правом плече и этому древку, как скипетру, уподобляются мученические кресты Бориса и Глеба, то можно с уверенностью сказать, что древко с крестом на монетах представляло собою для современников скипетр, т. е. знак великокняжеского достоинства, тем более, что греческое слово «σκήπτρον» означает жезл. Только в Слове о п. И. и нигде более «стружие» означает жезл, которым коснулся золотого трона Всеслав. Эта фраза буквально отвечает изображениям великого князя на русских монетах, а самое деяние — «дотчеся стружием злата стола Киевскаго» означает, что он овладел этой регалией, оперся ею о княжеское сидение и сел на великокняжеском столе, имея ее в руке как знак избрания его великим киевским князем. В других случаях, указанных Срезневским и В. Н. Перетцем, стружие означает или древко для копья, или самое копье. Неизвестно, что разумел под стружием Даниил Паломник, когда сравнивал высоту голгофской скалы с длиной стружия. В виду того, что он писал свое паломничество для русских князей, а также потому, что

¹ Миния служебная Типографской библ. № 121. Издана С. Бугославским в Отчете о занятиях в библ. Москвы, СПб. . . Киев, 1913 стр. 28.

² Ср. Абрамович. Жития свв. муч. Бориса и Глеба и службы им. П. 1916. Другие тексты см. в Материалах для словаря русск. языка И. Срезневского, т. III, под термином «скипетръ».

Голгофа представляла собою «горку малу» (*monticulus*), можно думать, что он имел в виду княжеское стружие как регалию, сравнение с которой могло дать князьям совершенно ясное понятие о высоте голгофской скалы.¹

3. Струги ростре на кусту

Одно из крайне темных мест текста Слова о п. И. есть противопоставление реки Донца реке Стугне. Донец принял ласково Игоря во время его бегства, постилал ему зеленую траву на серебряных берегах, одевал его теплыми мглами, стерег гоголем на воде, чайцами на струях. Не так поступила река Стугна: «Не тако ли рече, рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы ростре на кусту, оуношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ».

Я не имею в виду объяснить все это темное место, а обращаю пока внимание на слова: «и стругы ростре на кусту», подвергшиеся разным объяснениям. Тихонравов полагал, что слова «стругы ростре на кусту» означают, что Стугна к устью (растертая) расширенная затворила Днепр молодому князю. Слово «стругы» он объяснял как «волны», сближая это слово с текстами: «возьмут рѣки стругы своя» и «стругы бо стезя нарече». Слово «кусту» он понимал как устье Стугны. Срезневский в своих Материалах высказал намерение понимать дело так, что Стугна «затерла стругы (т. е. лодки) по кустам», так как слову «ростре» придавал смысл «затереть». Однако ни то, ни другое объяснение не удовлетворило многих и обычное ходячее понимание этого места сводится к тому, что «стругы» понимаются как «струи» или «волны», а под словами «к усту» почти все единогласно понимают «кусты».

Принимая во внимание, что «струг» означает также лодку, ладью, можно усомниться в том, что слово «стругы» означает «струи» или волны. Во-первых, потому, что в Слове о п. И. струи речные упоминаются не один, а три раза, причем сама река Стугна, о которой идет речь, описывается, как «худу струю имѣя». Или же струи являются серебряными: «Уже бо Сула не течеть серебряными струями ко граду Переяславлю», или еще: «Донец... стрежаше (Игоря) чайцами на струях». Во всех этих случаях переписчики оригинала Слова читали: «струю, струях, струями», и едва ли могли ошибочно прочесть это слово еще один раз и написать «стругы», чтобы подать повод к недоразумениям, и это тем более, что слово стругы прихо-

¹ Лонгинов хотел видеть в слове «стружие» тот «поруб», в который был посажен Все-слав. Этим порубом он, будто бы, достиг злата стола Киевского. В виду всего сказанного такое объяснение совершенно неприемлемо. См. Лонгинов. Слово о п. Игоре, стр. 115, прим. 25.

дится почти буквально двумя строчками ниже слов: «худу струю имѣя». Козловский для более палеографического понимания этого места соединил слова «и стругы» в одно слово «истругы», как встречается в разных рукописях, «испросу» вм. «спросу», «изря» вм. зря, в говорах и т. п. и прибавил: «иструга» равняется простому «струга», струя, волна. Такое насильственное обращение с текстом требует нового пересмотра вопроса, тем более, что слово «стругы», в значении «ладья», представляло для моего комментария предмет материальной культуры, наряду с насадом и кораблем, упоминаемым в Слове о п. И. К тому же и слову «ростре» посчастливилось не больше, чем слову «стругы», а было изменено в «простре» для получения какого-нибудь смысла при понимании слова «стругы» как струи. Козловский так исправил текст: «Стугна река (сама), имѣя мало воды (но) поглотив чужие ручьи, простерла свои волны по (прибрежному) кустарнику, и (таким образом) затворила Днѣпр (—заградила доступ к Днѣпру) юному князю Ростиславу». Вместо «ростре» Козловский вслед за В. Ф. Миллером читал «простре», предположив лигатуру из трех букв, которую неопытный чтец прочел как лигатуру из двух букв и прочел вместо простре — ростре. Но такое чтение еще более усложняет дело новым предположением. Притом летописный рассказ об этом событии прямо требует удержания обычного смысла слова «стругы» в значении ладьи. Русское войско, потерпевшее поражение от половцев, бежало и направилось в брод через реку Стугну «бѣ бо наводнилася вельми тогда». Владимир Мономах с юным Ростиславом «прибѣгоша к рѣцѣ Стугнѣ и вбрѣде Володимер с Ростиславом. Нача утопат Ростислав перед очима Володимирима, и хотѣ похватити брата своего и мало не утопе сам, и утопе Ростислав, сын Всеволожь. Владимир перебрѣд рѣку с малою дружиною . . . и перешед на ту сторону Днѣпра, плакася по братѣ своем». Хотя в Печерском Патерике и говорится, что «Владимир прееха рѣку молитвы ради святых и благословения», а Ростислав утопе со всѣми своими вои» . . . , но летописный рассказ более достоверен, так как если бы войско и князья имели в своем распоряжении лодки для переправы, то спаслись бы, но, очевидно, Ростислав утонул, идя в брод. В Слове о п. И. прямо сказано, что Стугна что-то сделала со «стругами» и тем затворила юному князю Днепр. Очевидно, что в словах «стругы ростре на кусту» заключается объяснение того, что сделала Стугна со стругами, или ладьями, лишив князей и войско перевозочных средств и заставив их итти в брод. Срезневский понял дело так, что Стугна растерла струги или ладьи по кустам, т. е., повидимому, побросала их в кусты, но он не мог нигде больше указать никакой параллели к слову «ростре» и производил его от «рострети»,

«ростру». Такое понимание дела все же сохраняет за словом струги обычный смысл ладьи и идет навстречу летописному тексту, в котором войско спасается в брод за неимением лодок, разбросанных по кустам. Мне кажется, однако, что можно еще ближе подойти к правильному пониманию этого места, если принять в соображение, что слова «на кусту» двоятся в своем значении. Уже Тихонравов понимал дело так, что Стугна наводнившись расширилась к устью, и, повидимому, он был прав, когда слово «кусту» понимал как «расширилась к устью». Немногого недостает, чтобы сделать более ясным всю фразу. Приняв в соображение, что буквы Н и П чрезвычайно близки по своему написанию в палеографии XVI века, можно предположить, что чтецы рукописи Слова ошиблись только в правильном чтении одной буквы и фраза «струги ростре на кусту» может быть прочтена более легко как «струги рострепа к усту» (т. е. к устью). Таким образом Стугна, пожравши чужие ручьи, т. е. наводнившись, растрепала ладьи к устью и лишила русское войско возможности иметь средства для перевозки, вследствие чего оно бежало в брод. Такое чтение темной фразы лишено, во-первых, сложных предположений, насилующих текст, а во-вторых, устанавливает внутреннюю логическую связь между Словом и летописью, поясняя почему князь и войско шли в брод. Конечно, надо сказать, что такое чтение этой темной фразы пока еще должно считаться в достаточной мере проблематичным, во-первых, потому, что до сих пор в литературных памятниках не встречено слово «растрепати», но оно так просто и так родственно другим, нигде еще не встреченным, кроме Слова, глаголам «притрепати» или «потрепати», что становится в один ряд глаголов, встречаемых только пока в Слове о п. И.

Я сказал, что не могу объяснить всего эпизода, но должен указать, что слова, заканчивающие собою описание всего события, именно: «затвори Днѣпръ темнѣ березѣ» не могут быть, повидимому, разделены на две части, и что Пушкинская и Екатерининская копии верно соединяют слова «затвори Днѣпръ» со словами «темнѣ березѣ». Дело в том, что тело князя Ростислава было найдено в Стугне и привезено в Киев, где и было оплакано матерью его, как сказано в летописи: «Ростислава же искавше и обрѣтоша и в рѣцѣ и взявше и принесоша и Къеву. И плакася по нѣмъ мати его і вси людие». . . Таким образом, картина оплакивания матерью сына у темного берега представляет в Слове противоречие с летописным рассказом. Этого противоречия не было бы в том случае, если бы тело Ростислава было доставлено в Киев Днепром. Здесь, на берегу у Днепра могла встретить тело сына мать и оплакать его.

4. Того внуку

Начиная описание похода Игоря против половцев, автор Слова, обращаясь мысленно к Бояну, восклицает: «О Бояне, соловію старого времени, абы ты сіа плъкы ущекотал, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подь облакы, свивая, славію, оба полы сего времени, рища в тропу Трояню чресъ поля на горы, пѣти было пѣснь Игореву того внуку. . .»

Прямой смысл приведенного текста требует разделения его на две части. Первая содержит как бы вопрос, вторая пояснение вопроса. «О Боян, — спрашивает автор, — ты соловей старого времени, если бы ты воспел этот поход, скача по мысленному древу, летая умом под облаками, свивая вместе обе стороны этого времени», и, затем, поясняет: «то надо было бы рыскать в тропе Трояновой через поля на горы, чтобы воспеть песнь Игорю». . . Мне кажется, поэтому, более верной та пунктуация этого текста, которая ставит точку между обеими частями, хотя более подходящим было бы поставить знак вопроса или восклицания: Этот текст вызывал всегда недоумение у комментаторов. Непонятным казалось выражение «пѣти было пѣснь Игореву, того внуку». По словам Карамзина и Калайдовича,¹ первый издатель Слова, по его собственному заявлению, вставил для большей ясности речи слово «Олга» после слов «того внуку». Мусин-Пушкин несомненно должен был недоумевать на счет того, кого разумеет под словами «того внуку», и так как Игорь, действительно, приходился внуком Олегу Гориславичу, то он и вставил имя этого князя в тексте, как глоссу. Однако эта глосса не оправдывается контекстом, так как ни выше, ни ниже имя Олега не упоминается, и местоимение «того» остается без точного значения. Кроме того, совершенно неясно, почему Бояну надо было рыскать в тропе Трояновой через поля на горы, чтобы воспеть песнь Игорю, иначе говоря, встает вопрос, какое отношение имеет песнь об Игоре к Трояновой тропе, что мог встретить на ней Боян пригодное и необходимое для этой песни. Эти две особенности приведенного текста требуют пояснений. Формула с местоимением «того», «той», «тый» и проч. очень употребительна в Слове. Так имеем: «Той бо Олег крамолу коваше»; «того старого Владимира нелзѣ бѣ пригвоздити к горам кievским»; «стоя Каялды»; «тыи мечи харалужные» и т. п. Выражение «того внуку» отличается от приведенных тем, что в них вслед за местоимением «того», «той», «тыя», «тыи» следует определяемый предмет или имя, а за словами «того внуку» не следует никакого имени.

¹ Н. Тихонравов. Слово о полку Игореве. Москва, 1868; стр. 2, прим. 7; Сын Отечества. 1839 г., т. VIII, смесь, стр. 20.

Есть, однако, случаи, когда местоимение «той» относится к имени, названному ранее: «Връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу, тѣй клюками подпрѣся оконися и скочи к граду Къеву». В этой фразе местоимение «той» относится к имени Всеслава, названному немного раньше. Таким образом, объяснение слов «того внуку» надо искать в каком-нибудь имени, обозначенном раньше их или после. Но после этих слов нет никакого имени, могущего их пояснить, зато раньше имеем очень выразительную фразу: «рища в тропу Трояню чрес поля на горы пѣти было пѣснь Игореву того внуку». Спрашивается внуку кого? По аналогии с предыдущим примером ответ ясен: «внуку Трояна». Смысл всей фразы должен быть такой: Боян, рища въ тропу Трояна, был бы в состоянии петь песню внуку Трояна, Игорю. Такое понимание слов «того внуку» бросает свет на отношение тропы Трояновой к песне об Игоре и вообще на отношение Игоря к Трояну, упомянутому не без цели автором Слова. Что Игорь в таком случае является внуком Трояна, нет ничего удивительного. Автор Слова называет Бояна внуком Велеса, крестьяне и люди два раза являются внуками Дажьбога, ветры — внуки Стрибога, а рядом половцы называются «дѣти бѣсови». Что Троян является в данном случае как лицо мифическое, давно уже выяснено. Он упоминается в древнем списке (около 1200 г.) хождения богородицы по мукам и в «Слове и откровении св. апостол» наряду с языческими русскими богами Перуном, Хорсом, Велесом и Дьем.¹ Смысл всей фразы таков, что Игорь является героем Трояновой тропы (via Trajani, ὁδὸς Τροϊανῶν),² только на этой тропе можно найти данные для песни в его честь. Таким образом, прибавляется еще один внук языческого бога — Игорь, внук Трояна. Во времена автора Слова таких внуков было много, на что ясно намекает одно интересное место из поучения XIII века (Слово о Пасхе), на которое в свое время обратил внимание акад. Буслаев и которое осталось неиспользованным критикой Слова о п. И. Название бога прадедом и дедом в этом «Слове о Пасхе», говорит он, может быть не бесполезно для объяснения форм: «Стрибожи внуци», «Дажь божи внуци» в Слове о п. Игоре.³ Указанный текст Слова о Пасхе очень поучителен: «а язъ твой бог, а язъ твой царь, а язъ твой дѣдъ, а язъ твой отецъ; чему яя человеце не умѣеши чтити, ни боишия мене. Аще яя имѣеши бога себе, то чему ми не служиши... аще яя твориши пра-

¹ А. Котляревский. «Троян». Древности. Труды М. Арх. общ., т. I, 1865—1867. стр. 13; И. И. Срезневский. Изв. 2-го отд. Акад. Наук, т. 10, стр. 553.

² Ф. И. Успенский. Изв. Арх. Съезда, 1893, стр. 2; В. Перетц. Слово о полку Игоревѣ, стр. 148.

³ Буслаев. Сочинения. II, 125.

дѣдом или дѣдом себѣ, то чему мя не чтеши, якоже добрии унци прадѣды и дѣды чтятъ».¹ Из этого текста видно, что автор слова о Пасхе имеет в виду богов, считаемых за дедов и прадедов, так как это вытекает из слов: «аще мя (т. е. бога) твориши прадѣдом или дѣдом себѣ». Проповедник старается заменить языческие понятия христианскими, и, таким образом, веру в языческого бога, признаваемого за «дѣда и прадѣда», заменить верой в христианского бога деда и прадеда и почитание первых применить ко второму. Такое почитание языческих богов за дедов и прадедов видно и в Слове о полку Игореве, где эта языческая традиция еще живет в языке автора, как давняя реминисценция. Так как Игорь является вождем в описываемом автором Слове походе, то тропа Трояна представляет собою тропу военных предприятий и битв, с которыми связано имя Игоря. А этих военных подвигов у Игоря было достаточно. Еще в 1174 году, на Петров день, Игорь «совокупив полки свои и ѣха в поле за Вороскол и срѣте половцѣ, иже ту ловят языка». Изловивши их, он узнал, что Кобяк и Кончак пошли к Переяславлю. Он идет против них, встречает, разбивает, отнимает пленных. В 1174 году участвует в междоусобиях против Мстислава, затем в союзе с половцами Боняком и Кончаком борется за Святослава, который в 1183 году, отправившись против половцев, оставляет Игоря с полками. Киевские полки Игорь отправил обратно в Киев, а сам с братом Всеволодом и другими пошел против половцев, часть их взял в плен, а другие ушли. Вторично, когда Святослав позвал его против половцев, Игорь дал согласие, но не мог пойти на соединение со Святославом из-за плохих зимних дорог. В 1183 году, узнав, что Святослав отправился против половцев, Игорь призвал к себе брата Всеволода, сыновца Святослава, и сына своего Владимира и говорит дружине: «половцы теперь повернулись против русских князей, а мы ударим на их вежи». За Мерлом он встретил 400 половцев и разбил их. В 1185 году Игорь уже на свой страх отправляется против половцев. Таким образом тропа Трояна, поля, горы были хорошо знакомы Игорю и прославлены им. Святослав киевский недаром сильно опечалился, когда узнал о плене Игоря.

Автор Слова, повидимому, хорошо знакомый с военными предприятиями Игоря на Трояновой тропе, раскрывает смысл их начальными запевами песни Игорю, сочиненными в духе Бояна, и спрашивает, как было бы лучше начать эту песнь: «Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици стады бѣжать к Дону великому», или, быть может, так: «Комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Къевѣ, трубы трубить въ Новѣградѣ, стоять стязи

¹ Православн. собес., 1858.

в Путивль». . . Первый запев имеет слишком общий характер и может относиться почти ко всякой победе над половцами, убегавшими к Дону. Второй запев имеет такие особенности, которые дают намеки на большую победу над половцами, когда в Киеве звенит слава, в Новгороде (у Игоря) трубят трубы, в Путивле у сына его Владимира развеваются победные стяги. Судя по летописным записям, Игорь брал с собой в походы брата своего Всеволода из Трубчевска, сыновца своего Святослава из Рыльска и сына Владимира из Путивля два раза. В 1183 году поход был очень удачен не только для Святослава, но и для Игоря, а потому слава могла звенеть в Киеве, и торжество шумело в других городах, но в 1185 году поход кончился уничтожением войска Игоря, и потому, в противоположность этому радостному запеву, автор Слова восклицает: «а вѣстона, бо, братіе, Кієвъ туюю, а Черниговъ напастьми; тоска разліяся по руской земли, печаль жирна утече средѣ земли рускыи». Поэтому, можно думать, что оба запева имеют в виду Игоревы походы по полям и горам Трояновой тропы.
